

Раньше, до семнадцатого года,
Жил епископ в нашем городке.
Он ходил пешком, и для народа
Был, как птица синяя в руке.

У его подрясника карманы
Вечно выпирали от конфет,
Угощались ими мальчуганы
И девчонки самых разных лет.

А у вдов заботами Владыки
Враз чинились печи и полы.
Проникали солнечные блики
Даже до глубин житейской мглы.

Всем в его душе хватало места,
Равно для купца и простеца,
И по всей округе духовенство
Радовалось, видя в нем отца.

Устремляясь ввысь, как храмов главы,
Будущую русскую беду
Чуял архипастырь величавый...
А уже в семнадцатом году

Увезли его и расстреляли
Там, где только снег да краснотал.
Богоборцы знать того не знали,
Что об этом в детстве он мечтал.

Что не смел, не смел мечтать об этом
В юности и в зрелые года,
Что наполнен был небесным светом
В день последний свой, как никогда.

МЕДОВЫЙ СПАС

Лет пятнадцать уже, каждый год,
Когда августом дышит природа,
Приезжаешь ты к нам на Приход
С трехлитровыми банками меда.

С прославлением Творца за дары,
Что усердием собраны летом,
С настроением щедрой поры
И поклоном своим, и приветом.

Восковую свечу теребя,
У янтарного иконостаса
Ты стоишь, и глядят на тебя
Очи — очи Медового Спаса.

Ах, как много они говорят,
Говорят без единого слова,
И становится солнечным взгляд,
Сладость Божию чувствуя снова.

От кропила святой ореол,
Как всегда — на улыбки народа,
На широкий сияющий стол
С трехлитровыми банками меда.

Лишь одну увезешь ты назад...
И убогим простым прихожанам
Будет видеться тихий твой сад,
Упоенный пчелиным жужжаньем.

А тебе из глухих твоих мест
Будет видеться слава Господня —
Портулаком увенчанный Крест,
Изнесенный за паперть сегодня.

* * *

Пели соловьи, и пенье их
Через сон звучало тише, тише...
Я спала при храме Всех святых
В маленькой гостинице, на крыше.

Было так на сердце хорошо,
Как лет пять, наверно, не бывало.

Ливнем, что стремительно прошел,
Почему-то пахло одеяло.

На ветру качаясь у окна
Ель казалась тенью Минотавра...
Но всю ночь мне виделась одна
Троицкая Сергиева Лавра.

И о ней же пели соловьи,
И шептались белые петунии.
Сколько благодати и любви
Мне она дарила накануне!

А рассветный путь мой недалек:
Сосны, мост, крутые переулки...
Бьет поклоны каждый стебелек,
Слыша звон торжественный и гулкий.

Бесконечно радовался взгляд,
По сырой тропе спускаясь ниже,
Что все это — Сергиев Посад,
И что Лавру я еще увижу.

* * *

Когда-то жили в детском уголке
Два попугая — Топа и Чирика,
Волнистые, как воды на реке,
Для них — кунжут, орехи, земляника.

Сказать по-человечьи не могли
Ни слова — ни полслова, даже редко.
Но как они всегда охотно шли,
Немного полетав, в родную клетку!

— Волнистые, как воды на реке,
Не променяю вас на крупных ара...
И с кречетом прекрасным на руке
Смотрел на нас святой с иконы старой.

Припомнилось из детства неспроста —
Ушел из дома сын моей соседки.
Ушел, как тать. Ушел, как навсегда.
Так из тюрьмы бегут, летят из клетки.

А я ей говорю: «Не прекословь,
Известны мне слова светлее солнца:
В тот дом, где и была, и есть любовь
Несчастный блудный сын еще вернется».